

Золотые лучи вспороли горизонт, разделяя застоявшийся за ночь воздух на чистую и мутную энергию. Тонкая струйка «ци», невидимая обычному глазу, потянулась вверх и, следуя причудливой траектории, плавно втянулась в ноздри юноши, сидевшего на крыше в позе лотоса.

Когда последняя крупинка энергии растворилась в его теле, юноша зашевелился. Он медленно открыл глаза, и в лучах солнца они блеснули, словно чистейшая яшма.

Городок уже просыпался, наполняясь привычным гулом. День начался.

Се Линь еще несколько секунд отрешенно наблюдал за солнечным бликом на соседней черепице, а затем сполз к приставной лестнице и спустился во двор.

Внизу, в просторном зале постоянного двора, за одним из столов ранние гости уже приступали к завтраку. Хозяин Ли, сидевший за конторкой, поднял голову:

— Закончил упражнения?

Се Линь небрежно кивнул.

— Сегодня пятнадцатое число, должен выйти свежий «Ежемесячный вестник Тяньшоу». Сходи-ка, купи экземпляр.

Се Линь, собиравшийся было прошмыгнуть в кухню, замер. Он недовольно скривился, а всё тело выражало крайнее нежелание куда-либо идти.

Заметив это, Ли Лаобань вскипел. Он нахмурился:

— Опять кривишься? Идти не хочешь?

— Считаю, что ты попросту швыряешь деньги на ветер, — буркнул Се Линь.

Он подошел к конторке и с силой хлопнул по ней ладонью — выдвижной ящик с сухим стуком выскочил наружу. Выудив две банкноты — одну в сто лянов, другую в пятьдесят, — юноша припрятал их во внутренний карман и ленивой походкой вышел за порог.

Городок Муфу, затерянный на Восточных равнинах, не отличался большими размерами, зато народу в нем всегда было в избытке. К тому моменту, когда Се Линь добрался до дома старосты, там уже выстроилась внушительная очередь. Хоть это зрелище и повторялось из месяца в месяц, у юноши всё равно потемнело в глазах от досады.

Он со вздохом пристроился в самый хвост. Стоявшая перед ним молодая особа обернулась и приветливо улыбнулась:

— Линь-гэер, в этом месяце ты что-то рано.

— Дядя Ли торопит, — вяло отозвался тот. Больше всего он не любил приходить за «Ежемесячным вестником Тяньшоу» в такое время — вечно попадаешь в самую давку. Обычно он дожидался второго дня продаж, когда ажиотаж спадал.

Девушка, зная его характер, прикрыла рот ладошкой, подавляя смешок:

— А сестрицы-то гадали, что ты не придешь так рано. Повезло мне сегодня — стою в одной очереди с самим Линь-гэером!

Се Линь не успел ответить — к ним подошли несколько парней. Тот, что шел впереди, подмигнул девушке:

— Вторая сестра семьи Сунь, и не надейся. У нашего Линь-гэера дар к бессмертию, станется ли он на обычных девчонок заглядываться? Я вот что скажу... — он на мгновение замолчал и лукаво взглянул на Се Линя. — Брат Се, может, дашь парням шанс? Сестрицы — это хорошо, но и братья, если что, не подведут!

Вторая сестра семьи Сунь мгновенно изменилась в лице:

— Да с твоими-то способностями? Три года не можешь освоить «привлечение ци», а туда же — решил с нами за Линь-гэера тягаться?!

— Эй, полегче! Оскорбляешь, что ли? Будто сама уже всему научилась!

Се Линь почувствовал, как назревает буря. Жители Муфу народ... прямолинейный: если уж решили повздорить, за словом в карман не полезут. Видя, что дело пахнет дракой прямо под окнами старосты, он примиряюще замахал руками:

— Ладно, ладно вам. Только не вздумайте тут кулаками махать. Ни парни, ни девушки меня не интересуют, я об этом даже не помышляю.

Вторая сестра семьи Сунь тут же остыла и расплылась в улыбке:

— И то славно. Пока Линь-гэер никем не занят, у нас, сестриц, хоть надежда остается.

Парень тоже не отступал:

— Не помышляешь — и ладно. Но если вдруг надумаешь, имей в виду: братья всегда рядом.

— Договорились... — выдохнул Се Линь.

В городке он был личностью популярной. И дело было не только в том, что видный пятнадцатилетний юноша везде найдет поклонниц. Главная причина крылась в предсказании: когда Се Линь был совсем маленьким, заезжий заклинатель в городе Шуньян нагадал ему «связь с бессмертными». Сам он, будучи попаданцем, к культивации относился прохладно, но в этом мире царил настоящий культ самосовершенствования. Одной фразы хватило, чтобы он на долгие годы стал местным кумиром.

И хотя это приносило свои плоды — вроде скидки в пять процентов у зеленщиков, — Се Линь всё равно считал ситуацию абсурдной.

Очередь двигалась быстро. Вскоре он уже видел столики, выставленные перед домом старосты. За ними сидели двое помощников. Тот, что слева, выкрикивал: «Свежий выпуск „Ежемесячного вестника Тяньшоу“, один низкосортный духовный камень за штуку!», а тот, что справа, вторил ему: «Пункт обмена камней! Двести пятьдесят лянов серебром за камень!»

— Опять цена выросла? — возмутился какой-то мужчина в толпе. — В прошлом месяце за сто пятьдесят отдавали!

— В прошлом месяце серебро принимали, — пожал плечами парень за столом. — А сейчас только камни. На самом деле еще в том месяце курс дошел до ста девяноста, так что вы не сильно-то и потеряли.

Вторая сестра семьи Сунь нахмурилась. Се Линь услышал её негромкий шепот:

— Мы же с сестрицами всего двести лянов наскребли, как же теперь...

Давешний задира отозвался:

— Я только что от меняльной лавки в западной части города — там по двести отдают. Но пока туда-сюда сходишь, очередь твою займут.

Девушка обрадовалась, но тут же замялась. Хвост очереди растянулся уже на добрую сотню метров, конца-края не видно. К тому же, если уйти сейчас, не получится постоять рядом с Се Линем...

Она бросила на юношу многозначительный взгляд, но тот, совершенно не заметив её немых терзаний, лишь глянул на ценник и вышел из строя.

— У меня тоже не хватает, — бросил он. — Стойте дальше, я пошел.

И, не оборачиваясь, скрылся за углом.

Вторая сестра семьи Сунь только рот приоткрыла. Затем поклонилась парню:

— Спасибо за совет, пойду и я к менялам.

***

Се Линь добежал до постоянного двора. Хозяин Ли всё так же сидел за конторкой, сводя счета.

— Купил?

— Цены взлетели, — ответил юноша. — Просят духовный камень за выпуск, а меняют их тут же по двести пятьдесят лянов. Дядя Ли, неужто тебе этот «Ежемесячный вестник Тяньшоу» так приспичил? Низкосортные духовные камни по сотне стоили, а теперь эти дельцы задрали курс до небес!

Ли Лаобань, привыкший к вечным ворчаниям подопечного, даже не стал спорить. Он отложил книгу учета и устало посмотрел на Се Линя.

Тот вздохнул. На самом деле он не собирался отказывать наотрез.

— Дай еще пятьдесят лянов. Говорят, в банке можно по двести выменять, схожу проверю.

Хозяин Ли молча достал из ящика тускло мерцающий камешек.

— Не делай такое лицо. Пару дней назад один постоялец-заклинатель отщедрил на чай. Иди бери газету и возвращайся скорее.

Се Линь, подавив удивление, вернул серебро хозяину и снова вышел в город.

«Ежемесячный вестник Тяньшоу» выпускался одноименным теремом. В газете печатали слухи и сплетни из мира заклинателей, что очень манили простых смертных. Но для хозяина Ли главной ценностью были объявления о наборе в академии.

Это были не обычные школы, где учили грамоте, а кузницы будущих бессмертных. Для простолюдина академия — едва ли не единственный шанс ступить на истинный путь. Дядя Ли часто повторял: «На еде экономь, на бессмертии — никогда». Все эти годы он откладывал каждую копейку, мечтая отправить Се Линя и Ли Сымяо на обучение.

Се Линю было всё равно, но он признавал: Ли Сымяо учиться необходимо.

Тот хоть и носил фамилию Ли, сыном хозяину не приходился.

У них была странная семья. Се Линя Хозяин Ли подобрал еще младенцем, а сам старик всю жизнь прожил бобылем. Сначала пахал землю, потом охотился, а скопив денег, открыл этот постоянный двор. Когда он еще был простым крестьянином, двое его лучших друзей — парень и девушка — приглянулись старому даосу и ушли постигать Дао.

Девушку звали Мяомяо. Она была первой любовью Хозяина Ли, но стоило ей стать заклинательницей, как их пути разошлись навсегда. Позже она вышла замуж за своего спутника по обучению — Янь Чуаньяня. Говорили, они жили душа в душу, и старик Ли окончательно смирился.

А потом, много лет спустя, Мяомяо внезапно появилась на пороге его заведения — глубоко беременная и совершенно убитая горем.

Подол её платья был залит кровью. Хозяин Ли, перепугавшись до смерти, велел разжигать огонь, а пятилетнего Се Линя послал за лекарем.

Несмотря на малый возраст, Се Линь, сохранивший память о прошлой жизни, был рассудительнее любого взрослого. Старик доверял ему, и мальчик помогал ухаживать за больной. Так Се Линь и узнал печальную историю: Янь Чуаньянь на каком-то собрании заметил молоденькую дочь главы процветающей школы. Ради высокого положения и выгодного брака он без тени сомнения бросил жену.

Мяомяо, будучи на последних месяцах, отправилась требовать справедливости, но в той школе с ней даже разговаривать не стали — просто избили беременную женщину и вышвырнули за ворота. Она едва сумела сбежать и, добравшись до Муфу, вспомнила о старом друге.

Раны оказались смертельными.

Она родила мальчика и умерла той же ночью на руках у рыдающего Ли Лаобаня.

По сути, Мяомяо было за тридцать, но из-за культивации она выглядела совсем юной. В глазах Се Линя это была трагедия «сверстницы», погубленной мерзавцем. Они с хозяином Ли единогласно решили: Ли Сымяо должен отомстить за мать.

А чтобы отомстить заклинателю, нужно самому обрести силу. Обучение в академии было обязательным условием.

Поэтому Се Линь, хоть и считал, что Терем Небесной Защиты ежемесячно собирает «налог на глупость» с доверчивых обывателей, послушно шел покупать газету.

Заполучив «Ежемесячный вестник Тяньшоу», Се Линь первым делом открыл страницу с объявлениями. В этом месяце учеников набирали всего две академии: одна на Восточных равнинах, другая — в Срединных землях.

Терем Небесной Защиты редко давал информацию из других регионов, но те заведения, что находились на Восточных равнинах, Ли Лаобань давно счел сомнительными. Се Линь внимательно изучил условия приема в академию Срединных земель. Всё выглядело вполне достойно, и он решил обсудить это с хозяином.

Затем он вернулся к первой полосе.

Главной новостью прошлого месяца был призыв Школы Пурпурных Облаков собраться для обсуждения важных дел. Теперь же газетчики всю смаковали подробности: кто приехал, чьи ученики с кем повздорили, а кто из молодых заклинателей успел закрутить интрижку в пути. Скука смертная.

Се Линь листал страницы, пока взгляд не зацепился за рекламный блок.

Бессмертная школа Небесных Звезд в очередной раз опубликовала крохотное объявление о поиске человека. На этот раз искали младенца с определенными приметам.

В прошлом году, если память не изменяла, они искали шестидесятилетнего старика.

В каждом объявлении условия были предельно точными: месяц рождения, регион — Восточные равнины, рост, черты лица. И обязательная приписка: «связи с родней отсутствуют».

Награда предлагалась баснословная. Не будь этого возрастного несоответствия, Се Линь бы сам пришел к ним.

Он был сиротой — куда уж более «отсутствующие связи»? Брошен на Восточных равнинах. А внешность и рост... точь-в-точь как у Се Линя в его прошлой жизни.

В этой же жизни он походил на себя прежнего едва ли на треть.

Поэтому, как ни бередили душу эти странные поиски, претендовать на награду он не мог.

Свернув газету, он вошел в постоянный двор.

Дядя Ли уже истомился в ожидании. Се Линь швырнул листок на конторку:

— В этот раз есть подходящая академия в Срединных землях. Плата терпимая — двести тысяч

лянов в год или один магический артефакт.

Ли Лаобань схватил газету:

— А условия приема?

— Условий нет, — Се Линь помедлил. — Даже «привлечение ци» знать не обязательно.

— Вот и славно, — Хозяин Ли просиял и замахал руками. — Иди, иди занимайся делами. И про вечернюю медитацию не забудь.

— Помню я, — бросил юноша и ушел на кухню.

Ли Сымяо уже вовсю трудился — подкидывал дрова в печь. В их маленькой семье Се Линь был главным поваром и заменял официанта, а Сымяо выполнял всю черную работу.

Се Линь привычно взялся за нож. В последнее время он экспериментировал с местными травами, пытаясь воссоздать вкус маринада из своего мира, и был поглощен процессом. Он даже не заметил, как Ли Сымяо несколько раз оглядывался на него, явно желая что-то сказать, но не решаясь.

Весь день прошел в привычных хлопотах. Когда стемнело и заведение закрылось, Се Линь прибрал продукты, погасил огонь в очаге и окликнул названного брата:

— Пошли на крышу. Время вечерней практики.

Ли Сымяо нехотя побрел за ним. Сидя в медитации, он никак не мог сосредоточиться.

Он то и дело поглядывал на Се Линя, но тот уже глубоко погрузился в транс. Старая истина гласила: «Потревожить чужое сосредоточение — навлечь гнев небес». Сымяо колебался.

То, что он хотел сообщить, казалось ему невероятно важным, но и практика брата была не менее значимой.

Он терзался до самой полуночи. Наконец сон стал одолевать его, и Ли Сымяо понял: либо сейчас, либо он просто отрубится. Набравшись смелости, он осторожно коснулся плеча Се Линя.

— Брат...

— Грохо-о-ом!

Едва он открыл рот, как ночное небо расколол оглушительный удар грома.

<http://bllate.org/book/17439/1660117>